

Фрэн Лебовиц все еще живет в Нью-Йорке,
так как совершенно уверена,
что в любом другом месте
ее сживут со света.

Посвящается Лисе Робинсон

Предисловие

Вещицы, помещенные в начале этого сборника, были написаны, когда мне слегка перевалило за двадцать, а вещицы, помещенные в конце, — когда мне слегка перевалило за тридцать. Мой нынешний возраст назовут “слегка перевалило за сорок” разве что неисправимые утописты, да и то если они мои фанатичные поклонники. Неудивительно, что встает вопрос об “актуальности”, как это раньше (ей-ей!) называлось. Позвольте мне вернуть этот вопрос в лежачее положение.

Хотя кольца-хамелеоны, рации диапазона Си-Би, диско, интерьеры в стиле хай-тек и безопасный секс с первыми встречными успели выйти из моды или исчезнуть с лица земли, нельзя отрицать, что, во-первых, очень многое (кроме, увы, последнего пункта данного списка) сплошь и рядом возрождается, а во-вторых, в нашу скучнейшую, ретроактивную эпоху требуют от писателей вечной насущности, когда ее перестали требовать даже от самой вечности, — не только страшно несправедливо, но и бестактно.

Если то, что в настоящий момент называют “искусством”, можно назвать искусством, а то, что в на-

стоящий момент называют “историей”, можно назвать историей (и, к слову, если то, что в настоящий момент называют “настоящим моментом”, можно назвать настоящим моментом), я призываю современного читателя (а читатели нынче наперечет) воспринимать мои тексты так, как они задумывались изначально и преподносятся аудитории снова, — как историю искусства. Правда, моя история искусства нетипична: она без проволочек, без лишних слов повествует о текущих событиях. Это история искусства с пылу с жару.

ФРЭН ЛЕБОВИЦ,
сентябрь 1994 года

ЖИЗНЬ МЕГАПОЛИСА

Мой день: что-то вроде введения

12:35. Звонит телефон. Меня это не радует. Мне не нравится просыпаться таким образом. Я предпочитаю просыпаться от того, что некая французская кинозвезда нежно шепчет мне в половине третьего пополудни, что, если я хочу успеть в Швецию на вручение Нобелевской премии по литературе, которую я и должна получить, мне пора бы уже позвонить, чтобы принесли завтрак. Но это происходит реже, чем хотелось бы. Сегодняшний день — прекрасный тому пример, поскольку мой собеседник — агент из Лос-Анджелеса, который сообщает мне, что мы не знакомы. Так и есть, и не без оснований. Его загар можно услышать по телефону. Его интересует моя работа. И этот интерес привел его к умозаключению, что неплохо бы мне написать комедийный киносценарий. Я, разумеется, буду располагать полной свободой творчества, поскольку очевидно, что писатели-юмористы захватили руководство кинобизнесом. Я оглядываю свою квартиру (задача,

исполняемая буквально в мгновение ока) и замечаю, что Дино де Лаурентис удивился бы, услышав такое. Он загорело хихикает и сообщает, что нам надо поговорить. Я сообщаю, что мы *уже* говорим. Он, однако, имеет в виду, что мы должны поговорить *там*, причем расходы за мой счет. Я отвечаю, что отправиться в Лос-Анджелес за собственный счет я могу разве что по почте. Он снова хихикает и сообщает, что нам надо поговорить. Я соглашаюсь поговорить сразу же, как только получу Нобелевскую премию — за выдающиеся достижения в области физики.

12:55. Я пытаюсь заснуть обратно. Несмотря на то, что сон — область, в которой я всегда проявляла поистине элджеровское¹ постоянство и выносливость, я не преуспеваю в достижении своей цели.

13:20. Я спускаюсь за почтой. Возвращаюсь в постель. Девять пресс-релизов, четыре уведомления о предстоящих кинопоказах, два счета, приглашение на вечеринку в честь знаменитого героинового наркомана, последнее уведомление от Нью-Йоркской телефонной компании об отключении телефона и три злобных письма от читательниц журнала *Mademoiselle*, требующих объяснить, с чего я, собственно, взяла, что имею право относиться к комнатным растениям — *живым, зеленым* существам — с таким неприкрытым отвращением. Я звоню в телефонную компанию и пытаюсь сторговаться, потому что вероятность просто оплатить

¹ Хорейшо Элджер (1832–1899) — американский писатель, священник и журналист, автор нравоучительных произведений о бедных детях, которые после многих испытаний упорным трудом и добродетелью добиваются богатства и успеха.

счет исключена. Не хотят ли они посетить пресс-показ? Или, может быть, сходить на вечеринку в честь героинового наркомана? Не будет ли им интересно узнать, с чего я, собственно, взяла, что имею право относиться к комнатным растениям с таким неприкрытым отвращением? По всей видимости, они не заинтересованы. Они предпочли бы 148 долларов 10 центов. Я соглашаюсь, что это вполне понятное предпочтение, но предостерегаю их о том, как бескровна жизнь, посвященная слепой погоне за наживой. Нам не удастся прийти к соглашению. Я натягиваю одеяло, телефон звонит. Следующие несколько часов я спрашиваю редакторов, предаюсь дружеской болтовне и замышляю мечь. Читаю. Курю. К сожалению, мой взгляд падает на часы.

- 15:40. Я рассматриваю возможность встать с кровати. Отвергаю этот замысел, требующий неоправданного приложения усилий. Еще немного читаю и курю.
- 16:15. Я встаю, чувствуя себя удивительно неотдохнувшей. Открываю холодильник. Выбираю между половинкой лимона и банкой горчицы “Гульденс” и по наитию решаю вместо этого сходить куда-нибудь позавтракать. Такая уж я эксцентричная.
- 17:10. Возвращаюсь в свою квартиру со стопкой журналов и посвящаю остаток дня чтению статей, чьи авторы, к сожалению, закончили их в срок.
- 18:55. Романтическая интерлюдия: приходит предмет моих нежных чувств и приносит комнатное растение.
- 21:30. Я отправляюсь ужинать в компании двух моделей, модного фотографа, агента модного фото-

графа и арт-директора. Я почти исключительно занимаюсь арт-директором, в котором меня привлекает преимущественно то, что он понимает почти все слова.

- 02:05. Возвращаюсь домой и готовлюсь сесть работать. Отдавая дань легкому ознобу, натягиваю два свитера и дополнительную пару носков. Я наливаю себе газированной воды и придвигаю лампу к столу. Я перечитываю несколько старых номеров *Rona Barrett's Hollywood* и порядочную часть “Переписки Оскара Уайльда”. Я беру ручку и пялюсь на лист бумаги. Я прикуриваю. Пялюсь на лист бумаги. Я пишу: “Мой день: что-то вроде введения”. Хорошо. Сдержанно, но ритмично. Я обдумываю свой день. Я впадаю в беспричинную депрессию. Я рисую на полях. Я набрасываю посетившую меня идею версии шекспировской комедии с участием одних чернокожих, которую следует назвать *As You Likes It* — “Как вам это понравится”. Я с вождением смотрю на диван, не упуская из виду его способность ловко трансформироваться в кровать. Я прикуриваю сигарету. Я смотрю на лист бумаги.
- 4:50 Диван одерживает победу. Очередная победа мебели.